

— Я сейчас распоряжусь, чтобы всё подготовили. Но аэропорт — это не улица, так что, пожалуйста, не ставьте моих людей в неловкое положение.

Гу Цинфэн прекрасно понимал, что тот хочет лишь одного: чтобы он не выдвигал невыполнимых требований. Сам Гу Цинфэн вовсе не собирался их усложнять — в конце концов, они лишь выполняли приказ. Как бы сильно он ни злился внутри, срывать гнев на исполнителях было бессмысленно. Однако он действительно проголодался, ведь за весь день у него и маковой росинки во рту не было.

— Купите что-нибудь простое, только не слишком острое.

Такая просьба заставила главаря людей в черном бросить на него удивленный взгляд, но он лишь махнул рукой, приказывая подчиненным исполнить сказанное. До вылета оставалось еще много времени, и охранники терпеливо сносили медлительность Гу Цинфэна. Впрочем, как бы тот ни тянул, когда пришло время отправляться в путь, ему не дали ни лишней минуты — его буквально затащили на борт.

Только оказавшись в салоне, Гу Цинфэн осознал, что самолет принадлежит Чэн Цзиньняню. Похоже, его почка действительно значила для Гу Цинчэна слишком многое, раз Чэн Цзиньнянь приложил столько усилий, чтобы вернуть его назад. Иронично, но Гу Цинфэн и представить не мог, что вернется к нему таким образом. Он трясся в машине семь-восемь часов, чтобы добраться до цели, а на частном самолете Чэн Цзиньняня путь занял немногим больше часа.

По дороге назад Гу Цинфэн всё больше корил себя за глупость. Надо же было вообразить, что, избегая вокзалов и аэропортов, он сможет скрыться от Чэн Цзиньняня. Как можно было надеяться ускользнуть от такого расчетливого человека?

После приземления, по пути на встречу с Чэн Цзиньнянем, Гу Цинфэн полулежал в машине, проваливаясь в полудрему. Даже близость встречи с этим страшным человеком не вызвала в нем ни капли паники. Он уже махнул на всё рукой: будь что будет, пусть Чэн Цзиньнянь делает что хочет.

По прибытии Гу Цинфэна бесцеремонно растолкали и выволокли из машины. В полубессознательном состоянии его доставили к лифту, а затем к дверям, за которыми ждал Чэн Цзиньнянь. Стоило Гу Цинфэну войти в комнату, как он мгновенно протрезвел. Он вдруг понял, что находится в квартире, где они с Чэн Цзиньнянем жили после свадьбы.

Гу Цинфэн и подумать не мог, что когда-нибудь вернется в это место. Когда Чэн Цзиньнянь вышвырнул его отсюда, он был уверен, что это навсегда. Обстановка осталась прежней, словно время застыло. Вероятно, после помолвки с Гу Цинчэном Чэн Цзиньнянь здесь не жил — у него было столько недвижимости, что он вряд ли стал бы утруждать своего любимого необходимостью ютиться в квартире, где когда-то жил его бывший.

Чэн Цзиньнянь сидел на диване, закинув ногу на ногу, и равнодушно потягивал вино из бокала.

С того самого момента, как Гу Цинфэн переступил порог, его взгляд был прикован к нему, но на лице не дрогнул ни один мускул — невозможно было понять, в ярости он или спокоен.

Гу Цинфэн молча стоял, ожидая, когда разразится буря. Ноги уже начали затекать, а Чэн Цзиньнянь всё молчал. Гу Цинфэн, чувствуя неловкость, переступил с ноги на ногу и, не выдержав, спросил:

— Зачем ты меня привез?

Чэн Цзиньнянь вдруг усмехнулся и вопросом на вопрос ответил:

— А как ты думаешь?

Его голос звучал сексуально и завораживающе, но у Гу Цинфэна от этого звука сердце ушло в пятки. Чэн Цзиньнянь мог говорить так либо от глубокой нежности, либо от ярости. Первое было исключено, оставалось второе. Гу Цинфэн посмотрел на него, собравшись с духом: что так, что эдак — конец один, так пусть хоть с достоинством.

— Если у тебя больше нет дел, я пойду.

Конечно, он знал, что дела есть, но ничего другого в голову не пришло. Однако именно эти слова переполнили чашу терпения Чэн Цзиньняня, копившуюся весь день. Было три часа ночи, и с того самого момента, как он узнал о побеге, Чэн Цзиньнянь ждал. Эти десять с лишним часов он не находил себе места от ярости. Он планировал наказать Гу Цинфэна так, чтобы тот навсегда забыл, как пытаться сбежать. Но теперь, видя перед собой изможденного человека, он вдруг не знал, с чего начать.

Чэн Цзиньнянь собирался было заставить его стоять, пока тот не свалится, но после слов об уходе решил, что был слишком добр. Некоторые твари, если с ними по-хорошему, тут же садятся на шею и забывают свое место.

Чэн Цзиньнянь налил полный бокал красного вина, подошел к Гу Цинфэну и бросил:

— Пей.

Гу Цинфэн инстинктивно нахмурился:

— Мне нельзя пить.

В глазах Чэн Цзиньняня потемнело:

— Нельзя? С каких это пор у тебя появилась такая болезнь?

Гу Цинфэн и сам не знал, что на него нашло, но дерзко ответил:

— С недавних пор.

Не успел он договорить, как Чэн Цзиньнянь выплеснул вино ему на голову. Рана на лбу еще не зажила, и спирт, пропитав повязку, вызвал жгучую боль. Но это было не самое страшное: в следующую секунду Чэн Цзиньнянь швырнул бокал на пол и ударил его в висок так, что Гу Цинфэн рухнул на осколки стекла.

Кровь хлынула из раны, боль стала невыносимой, но он лежал, не в силах пошевелиться, потому что в голове всё плыло.

Глядя на лужу крови под Гу Цинфэном и его плотно сомкнутые веки, Чэн Цзиньнянь помрачнел. Его вдруг охватила беспричинная паника. Он слегка пнул Гу Цинфэна в лицо и рывкнул:

— Гу Цинфэн, черт возьми, открывай глаза! Хватит притворяться мертвым!

Гу Цинфэн лежал неподвижно, голос Чэн Цзиньняня доносился словно издалека. Чэн Цзиньнянь был уверен, что не приложил большой силы, а значит, Гу Цинфэн просто притворяется. В его памяти тот всегда был лживым, эгоистичным и притворным слабаком. Чем больше он думал, тем больше злился. Он присел и отвесил Гу Цинфэну пощечину:

— Не смей прикидываться! Я еще не закончил, живо вставай!

Удар был такой силы, что лицо Гу Цинфэна мгновенно распухло, но тот даже не вздрогнул. Если это была игра, то слишком уж правдоподобная — даже ресницы не дрогнули. Один из охранников, стоявший поодаль, не выдержал:

— Господин Чэн, господин Цинфэн, кажется, действительно потерял сознание. Может, отвезем его в больницу? У него столько крови, если он...

Чэн Цзиньнянь вскочил и со всей силы пнул вазу:

— Кто тебе позволил меня учить?

Охранник поспешно замолчал. Разумеется, Чэн Цзиньнянь не хотел смерти Гу Цинфэна,

поэтому, выпустив пар, он подхватил его на руки и бросился в больницу.

Гу Цинфэн очнулся в палате. В руку была воткнута игла капельницы. Он пошевелился и свободной рукой потер виски, пытаясь унять пульсирующую боль, но любое движение отдавалось во всем теле.

— Проснулся? — раздался голос из угла.

Лишь спустя мгновение Гу Цинфэн понял, что это Чэн Цзиньнянь. Не дождавшись ответа, тот с недовольным видом подошел к кровати и посмотрел на него сверху вниз:

— Где-то болит?

Гу Цинфэн открыл рот, чтобы ответить, но горло пересохло. Чэн Цзиньнянь, неизвестно с чего решив проявить милосердие, налил воды и протянул ему:

— Пей.

Гу Цинфэн с трудом приподнялся, взял стакан и сделал глоток:

— Спасибо.

Чэн Цзиньнянь усмехнулся:

— Благодарить? За то, что я тебя не убил?

Гу Цинфэн, опустив голову, молча допил воду и вдруг произнес:

— Ты этого не сделаешь.

Чэн Цзиньнянь холодно взглянул на него:

— Какая уверенность в себе!

— Пока Гу Цинчэн не выздоровел, моя почка для тебя всё еще полезна.

Чэн Цзиньнянь наклонился, взял его за подбородок, внимательно взгляделся в глаза и

произнес:

— Гу Цинфэн, тогда я вынужден тебя разочаровать.

— О чем ты?

Чэн Цзиньнянь улыбнулся:

— Я уже нашел подходящего донора для Чэнчэна. Ты больше не единственный, кто может его спасти, так что мне, в сущности, всё равно, умрешь ты или нет.

Глава 048: То, что принадлежит ему, не смей забирать

Гу Цинфэн почувствовал, как сжалось сердце:

— Вот оно что.

Чэн Цзиньнянь, глядя на его выражение лица, вдруг потерял интерес:

— Тем не менее, если я еще раз узнаю, что ты пытался сбежать, в следующий раз я не буду столь снисходителен.

Гу Цинфэн вспомнил всё, что произошло до того, как он потерял сознание. Он коснулся рукой своего бока, пострадавшего от стекла. Эта острая боль и шрамы станут вечным напоминанием о том, за что он получил такую кару. К нечеловеческой жестокости Чэн Цзиньняня он уже привык и не ждал от него доброты.

Чэн Цзиньнянь, заметив, что тот застыл, слегка сжал его подбородок:

— О чем задумался?

Гу Цинфэн вздрогнул от боли и вдруг послушно ответил:

— Хорошо, я понял.

Такая покорность удивила Чэн Цзиньняня. Он отпустил его и ледяным тоном добавил:

— Смотри у меня, не вздумай хитрить. Будешь лежать в больнице, пока я не разрешу выйти.

Гу Цинфэн криво усмехнулся:

— Домашний арест? Я даже не могу решать, куда мне идти?

Лицо Чэн Цзиньняня помрачнело:

— Думай что хочешь. Но если узнаю, что ты сбежал, лучше заранее подумай, по силам ли тебе последствия.

— Чэн Цзиньнянь, я не понимаю, зачем ты меня удерживаешь. Мы уже разведены, а моя почка тебе больше не нужна, так почему?

Чэн Цзиньнянь опешил от такого вопроса, а затем вспыхнул:

— Кто тебе сказал, что не нужна? По сравнению с той, старой, твоя кажется куда более свежей.

От этих слов Гу Цинфэна бросило в дрожь. Он так и знал — Чэн Цзиньнянь не отпустит его, пока не вырвет эту почку.

Гу Цинфэн сидел на кровати, погруженный в свои мысли. Вдруг он вспомнил, что внутри него растёт их ребенок. Ради этого ребенка он ни за что не позволит отдать свою почку Гу Цинчэну.

Он не заметил, когда именно Чэн Цзиньнянь вышел из палаты.

Словно по договоренности, сразу после ухода Чэн Цзиньняня в палату ворвалась госпожа Гу. Известно, узнала ли она от Чэн Цзиньняня, что он в больнице, но, едва переступив порог, она отвесила Гу Цинфэну звонкую пощечину.

Голова Гу Цинфэна дернулась в сторону. Его лицо, и без того опухшее, теперь выглядело просто ужасно. Он коснулся щеки и горько усмехнулся: с тех пор как вернулся Гу Цинчэн, он уже сбился со счета, сколько раз его били. Он никогда не был злопамятным, все эти годы жил тихо, не нарываясь на неприятности, надеясь, что послушанием добьется мира с Чэн Цзиньнянем. Но возвращение Гу Цинчэна разрушило всё. Он ненавидел его сильнее, чем кого-либо.

То, что он не злорадствовал, когда Гу Цинчэн заболел, было верхом его великодушия. Он не ожидал, что они все как один набросятся на него. Это лишь пробуждало в Гу Цинфэне бунтарский дух.

Он посмотрел на госпожу Гу, и в его темных глазах застыла ненависть. Госпожа Гу указала на него пальцем:

— Бесстыдник! Ты еще смеешь соблазнять жениха своего брата!

Услышав это, Гу Цинфэн понял, в чем причина её ярости. Он усмехнулся:

— Вы, кажется, забыли, что жених моего брата когда-то был моим мужем. Кто кого еще соблазняет?

Госпожа Гу не ожидала такой дерзости и от ярости исказилась в лице:

— Говорю тебе, не смей даже мечтать забрать что-то у своего брата! То, что принадлежит ему, ты не получишь!

Гу Цинфэн смотрел на неё холодным взглядом. Только сегодня он осознал, как жалка его мать. Если бы она узнала, на что способен её драгоценный Гу Цинчэн, стала бы она так его обожать? Гу Цинфэн не знал, но, глядя на её слепую любовь, был уверен: если бы Гу Цинчэн кого-то убил, она бы своими руками помогла ему спрятать труп. От этой мысли его пробрал холод.

— Мама, пока я еще называю вас так, искренне советую: Гу Цинчэн не такой милый, каким кажется. Вы никогда не видели его истинного лица.

Госпожа Гу, конечно, не желала его слушать.

— Ты думаешь, я тебе поверю? Ты с детства был смутьяном, а Чэнчэн такой добрый, что ты превратил его в злодея в своих устах. Цинфэн, я не знаю, что сделало тебя таким жестоким, но ты меня пугаешь.

Гу Цинфэн слабо улыбнулся:

— Можете не верить. Время всё расставит по своим местам.

Госпожа Гу смотрела на сына — бледный, красивый, с таким спокойным взглядом. Его уверенный тон заставил её испугаться. Этот сын, который внешне был так похож на неё, обладал характером, который она терпеть не могла. В этот момент она осознала, что никогда по-настоящему его не знала.

Люди часто прикрываются гневом, когда им страшно. Госпожа Гу не стала исключением:

— Не надо мне ничего говорить! Я тебе не верю, неблагодарная ты тварь!

Гу Цинфэн вздохнул. Он не знал, чего ждал — эта женщина никогда его не любила и даже объятия были для неё одолжением. Какая глупость — надеяться, что она поверит ему и увидит

правду о Гу Цинчэне.

— Если у вас всё, пожалуйста, уходите. Я устал.

Госпожа Гу, глядя на капельницу, не удержалась:

— Цзиньнянь принадлежит Чэнчэну. Не смей пытаться добиться его жалости, притворяясь больным. Это не сработает.

Гу Цинфэн посмотрел на свои пальцы, вдруг откинул одеяло и задрал больничную рубашку. На его боку виднелись многочисленные повязки.

— Знаете, что это?

Госпожа Гу округлила глаза:

— Что это такое?

Он усмехнулся:

— Это всё благодаря вашему любимому сыночку и Чэн Цзиньняню. Удивлены? Всё еще думаете, что я притворяюсь?

Госпожа Гу покачала головой:

— Невозможно. Ты мастер лжи, кто знает, есть ли там вообще раны под повязками?

Гу Цинфэн открыл рот, собираясь сорвать бинты, но передумал. Он знал, что даже если она увидит раны, то лишь презрительно фыркнет или решит, что он нанес их себе сам, чтобы обмануть Чэн Цзиньняня. Он опустил одежду, его взгляд стал ледяным. Больше не сдерживаясь, он крикнул:

— Вон отсюда!

Раз уж она считает его порочным ребенком, то он будет соответствовать этому ярлыку.

— Исчезни из моей палаты! Ты боишься, что я соблазню Чэн Цзиньняня и у твоего сыночка не будет жениха? Что ж, скажу прямо: с сегодняшнего дня я буду его соблазнять, и посмотрим, что ты мне сделаешь!

Гу Цинфэн был в ярости и не выбирал выражений. Госпожа Гу смотрела на него с недоверием:

— Я так и знала, что ты мерзавец! Гу Цинфэн, ты безнадежен! Всё из-за нас с отцом — надо было самим тебя воспитывать, а не отдавать нянькам. Я так жалею об этом.

Гу Цинфэн холодно наблюдал за её игрой:

— Теперь вспомнили, что вы мать? К чему эти разговоры о родстве?

Это был первый раз, когда Гу Цинфэн так дерзко ей ответил. Раньше, как бы они ни ссорились, он никогда не смел так с ней разговаривать. Госпожа Гу всегда считала себя его матерью, старшей, и была уверена, что Гу Цинфэн никогда не посмеет ей угрожать. Именно поэтому она всегда приходила к нему с таким высокомерием, чтобы прочитать очередную нотацию.

<http://bllate.org/book/20420/2039756>